

Николай Добролюбов

**Предубеждение, или Не место
красит человека, человек –
место**

Николай Добролюбов

**Предубеждение, или Не место
красит человека, человек – место**

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

Предубеждение, или Не место красит человека, человек – место /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1858

Добролюбов воспользовался в этой рецензии своеобразным критическим приемом. Он делает вид, будто не согласен с мнением критики, что комедия Львова – еще одна неудачная попытка создать образ идеального чиновника, и рассматривает пьесу как пародию на все того же «Чиновника», а образ главного героя не как безжизненный и натянутый, а как живой и типический. Этот прием позволяет Добролюбову говорить не о слабой комедии, а о реальном жизненном явлении, которое отразилось в ней помимо воли автора. Критик высмеивает здесь глубоко антипатичный ему тип фразера, человека с формальными, затверженными убеждениями, а также распространенное умонастроение второй половины 1850-х гг., для которого характерно поверхностное представление о природе общественного зла и вера в легкие способы его преодоления.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Николай Александрович Добролюбов

Предубеждение, или Не место красит человека, человек – место

Комедия в двух картинах, соч. Н. Львова. СПб., 1858

Господин Львов, «свет Николай Михайлович», как его остроумно охарактеризовало ловкое объявление «Весельчака», поступившего ныне под редакцию этого самого *света*, – г. Львов есть автор комедии «Свет не без добрых людей», имевшей такой блистательный успех на сцене Александрийского театра¹. Этой рекомендации уже вполне достаточно для того, чтобы и вторая комедия «света Николая Михайловича» имела столь же блистательный успех на сцене Александрийского театра. Она и действительно имела этот успех; сему не отважатся противоречить самые заклятые враги комедий г. Львова. Но, к сожалению, есть критики, которые мало увлекаются «сценическими эффектами» (как они выражаются) и доискиваются в произведении – жизни, идеи, характеров, даже смысла!! Последнее требование совершенно уже излишне от комедии: комедия не только *может*, а даже некоторым образом *должна* представлять бессмыслицу. Этого никак не хотят понять наши критики, и оттого комедия «света Николая Михайловича» им не нравится. Они непременно хотят, чтобы она походила была на трагедию; да помилуйте – она тогда ровно ни на что не была бы похожа!!

Мы берем на себя смелость защитить «света Николая Михайловича» от тех грозных обвинений, которые со всех сторон сыплются на него и которые мы, со всею откровенностью, свойственной нам, смеем назвать голословными, или, иначе, – бездоказательными. Для полного успеха нашей защиты просим у читателей позволения рассказать содержание комедии «Предубеждение, или Не место красит человека, человек – место». Оно было рассказано в прошедшей книжке «Современника»;² но это ничего: там оно было рассказано подробно, а мы расскажем вкратце.

Дочь генерала Славомирского Наденька влюблена в станового пристава Андрея Николаевича Фролова, служащего приставом по собственной охоте. Отец имеет *предубеждение* против должности станового и не хочет выдавать за Фролова дочь свою. Но оказывается, что Фролов отдал долг за какую-то старуху, и генерал выдает за него дочь свою, убеждаясь, что «не место человека красит, человек – место».

Как видите, содержание комедии чрезвычайно забавно. Зная одно это содержание, можно уже предположить, что у действующих лиц комедии очень мало смысла в голове и что столкновение их на сцене производит комизм необыкновенный. Так, вероятно, думал и сам автор, так, кажется, думает и вся публика, которая потешается комедиею г. Львова в Александрийском театре. Но не так думают критики. Они – представьте себе – вообразили, что г. Львов имел намерение вывести в своей комедии какие-то идеалы чего-то!.. Вон куда метнули! И ведь пресерьезно, по всем правилам эстетики, расположились да и разбирают каждую фразу: прилична ли она идеалу или нет? Конец концов, критики основательно доказывают, что лицо, введенное ими в идеал, недостойно сана идеала, как говорящее и делающее много вещей, идеалу вовсе неприличных. Но ведь это вам же не делает чести, господа критики: с чего вы взяли возводить лица комедии в идеалы? кто дал вам на это право? На каком основании утверждаете вы, что автор так, а не иначе понимал созданные им лица? Все это требует основательного рассмотрения.

---

¹ Премьера спектакля по пьесе Львова «Предубеждение» в петербургском Александрийском театре состоялась 5 мая 1858 г. Пьеса с успехом шла в течение всего 1858 г., но затем быстро сошла со сцены.

² И. И. Панаевым в «Заметках Нового поэта» (*Совр.*, 1858, № 6).

Прежде всего нужно заметить, что намерения писателя драматического кроются во глубине души его и всегда бывают темны для посторонних. Не находясь в интимных отношениях, например, хоть с автором комедии «Предубеждение», невозможно сказать наверное, что он вот именно такого-то мнения о характерах своих героев. Может быть, и такого, а может быть, и нет: пари держать трудно. Я не могу опровергнуть вашего мнения, если вам вздумается утверждать, что г. Львов видит идеал благородства в своем Фролове; но и вы не можете опровергнуть меня, если я стану убеждать вас, что г. Львов, создавая это лицо, хотел именно вывести смешную и пошлую сторону подобных фразеров. Ведь автор ничего не говорит от себя, следовательно, мы сами уже должны придать тот или другой смысл явлениям, которые он изображает. Найдем мы истинный смысл явления – хорошо; ошибемся – мы виноваты. Но навязывать наши собственные воззрения самому автору комедии – нам никто не дает ни малейшего права. Иначе мало ли что можем мы выдумать и в чем обвинить драматического писателя!

Высказавши наши основания, мы намерены рассмотреть комедию г. Львова, вовсе не касаясь ее автора и его намерений, а только говоря о том, какой смысл имеет в наших глазах комедия «Предубеждение» и все выведенные в ней действующие лица. Нас не смущают при этом и *ярлыки*, приданные автором каждому лицу при исчислении персонажей комедии. Ярлыки эти весьма много повредили автору. Один остроумный критик даже основал на них свое суждение о комедии, и так как о Фролове сказано: «горячая голова и открытая душа», то критик и предположил, что в нем г. Львов хотел изобразить идеал³. Предположение, как увидим, едва ли основательное. По нашему мнению, г. Львов, делая замечания о свойствах выведенных им лиц, хотел только объяснить актерам, какими они должны *казаться* в своей роли, то есть какими считаются эти лица в их кругу. Читатель увидит, в продолжении нашей рецензии, какими изображает г. Львов свои лица, и мы решительно считаем неделикатным мнение, будто автор хотел в них изобразить идеалов: говорить это – значит совершенно отнимать у человека присутствие здравого смысла.

Приступая к разбору комедии, заметим прежде всего, что самое название пьесы *комедией* должно отвести нас от всякой мысли об идеалах. Известно всем и каждому, известно, вероятно, и г. Львову, что *идеалы* составляют достояние трагедии, на долю же комедии выпали именно недостатки людские. Общего между трагедией и комедией то, что содержание обеих почерпается из ненормального положения вещей и что цель их – выход из этого ненормального положения. Но трагедия отличается тем, что изображает положения, зависящие от обстоятельств внешних, от того, что у древних называлось судьбою и что не зависит от воли человека. Комедия, напротив, именно выставляет на посмеяние хлопоты человека для избежания затруднений, созданных и поддерживаемых его же собственной глупостью. Смотря на комедию, мы все понимаем, что, будь эти люди немножко поумнее, все разрешилось бы очень легко и просто. Вспомните, например, как невыносимо глуп Городничий в «Ревизоре», сам же своими деяниями воспитавший в себе чувство ужаса при первом слухе о ревизии и потом сам же затащивший к себе Хлестакова, от которого желает отделаться. Вспомните, как глуп и Хлестаков, не умеющий даже понять своего положения и пользующийся им очень неискусно. Вспомните, как тупы и нелепы все комические лица у Грибоедова и даже Фонвизина. Правда, им в придачу выводились иногда в комедиях и идеальные лица; но выводились они именно только в придачу. Они играли роль греческого хора и обязаны были пояснять недогадливому зрителю, что представленные им глупые лица – действительно глупы. Для этой цели, между прочим, у Грибоедова выведен Чацкий. Но до сих пор нельзя указать хорошей комедии, основанной на несчастном положении идеально-благородных, возвышенных характеров. Такие характеры возбуждают не смех, а сострадание, сочувствие к своим несчастьям, и, следовательно, коми-

³ Речь идет об А. Пальховском (Атеней, 1858, ч. 3).

ческий элемент исчезает здесь в слезно-драматическом. Г-н Львов не мог не знать этого, и вот почему мы полагаем, что название его пьесы *комедией*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.